

Прекрасная Франция

Нынешний год объявлен Годом русского и французского языка и литературы. В марте Россия станет Почетным гостем на Парижском книжном салоне. В Париж приедут более тридцати российских писателей. Ни в одной стране мира современная русская литература не переводится так широко, как во Франции. В рамках салона пройдут юбилейные мероприятия: одно – посвященное 150-летию Максима Горького и второе – «круглый стол» к 100-летию Александра Солженицына.

Павел Басинский

Как относились главные юбиляры этого года Высоцкий, Маяковский, Горький, Лев Толстой, Тургенев и Солженицын к Франции?

Ответ не такой простой.

У двух наших поэтов – Высоцкого (отмечаем 80 лет) и Маяковского (125 лет) – имя Франции связано с женщинами и... автомобилями. Франция для Высоцкого – это, конечно, прежде всего Марина Влади. В 1972 году она привезла ему в Москву его первый иностранный автомобиль – серый «Рено». И вроде в первый же день он попал на нем в аварию.

В октябре 1928 года в Париже Маяковского познакомили с Татьяной Яковлевой – единственной женщиной, которая могла бы составить конкуренцию Лиле Брик. Поэт уговаривал ее поехать с ним в СССР, но она благоразумно отказалась. В то же время

одной из целей поездки Маяковского была покупка автомобиля для Лили Брик (сам он водить не умел). Это оказался тот же «Рено».

Но это для любителей «каравана историй». А если серьезно, то оба поэта многим обязаны Франции в творческом плане. В Париже в 1975 году, когда у Высоцкого на родине не вышло ни одной пластинки, он благодаря Влади и ее друзьям заключил контракт со студией Le Chant du Monde, где с композитором, певцом и музыкантом Константином Казански и гитаристом Клодом Пави записал свой первый альбом. 23 песни – за три дня! Увы, студия была тесно связана с французской компартией, и под давлением Москвы готовый альбом лег на полку. Он вышел только в 1981 году, когда Высоцкого уже не стало...

На раннего Маяковского, несомненно, оказали влияние «проклятые» французские поэты, прежде всего Верлен и Бодлер. И как бы поэт ни издевался над «буржуазной» Францией в стихах и очерке «Париж», он, конечно, любил Францию и Париж. «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва» («Прощанье»).

Перейдем к прозаикам... Лев Толстой (отмечаем 190-летие), конечно, был франкофилом. Французский язык знал как родной и написал в дневнике, что иногда думает по-французски (проще сформулировать мысль). Единственным писателем, с которым он, по собственному признанию, соревновался, когда создавал батальные сцены в «Войне и мире», был Стендаль с «Пармской обителью». Не говоря о том, что «Анна Каренина» в строгом смысле является «ремейком» «Мадам Бовари» Флобера. Руссо и Паскаль – любимые философы Толстого. Вроде бы в юности он даже носил на груди портрет Руссо вместо крестика.

С другой стороны, Толстой воевал с французами в Крымской войне. В 1857 году во время первого заграничного путешествия он сначала бросился в Париж, но вскоре бежал из Франции, увидев публичную казнь на гильотине. Зрелище до такой степени потрясло его, что он не мог забыть о нем всю жизнь. И это тоже формировало его философию ненасилия и отрицания смертной

казни.

Тургенев (отмечаем 200 лет) был абсолютным франкофилом. Любовь к Франции связывалась у него еще и с любовью к Полине Виардо. Он не только много жил во Франции, но и умер в Буживале, окрестности Парижа. Когда французские писатели провожали его тело на вокзале, где воздвигли специальную часовню, Ренан воскликнул: «Его устами глаголет Бог!» И первое зарубежное издание «Записок охотника» вышло во Франции. И нигде его не переводили так много и не ценили так высоко. Это был первый русский писатель, «прорубивший окно» в Европу. Через Францию.

Но Толстой и Тургенев – аристократы. Здесь все понятно. Куда более удивительно, что из европейских стран более всех полюбил Францию Александр Солженицын. Вот его слова: «С Францией я испытал ошибку, противоположную швейцарской: насколько там должно было мне все подойти, а почему-то не подошло, настолько Францию, живя в СССР, я всегда считал себе противопоказанной, не по моему характеру, куда чужей Скандинавии, Германии, Англии, – а вот тут стало мне ласково, нежно, естественно, – если жить в Европе, то и не нашел бы лучше страны».

Зато у Максима Горького отношения с Францией складывались очень непросто. В 1906 году, раздраженный тем, что Франция дала царской России огромный кредит (шла первая русская революция), он написал беспощадный памфлет «Прекрасная Франция», где изобразил страну в образе женщины «бальзаковского возраста, еще не потерявшей надежду пленять мужчин». На вопрос, «говорит ли он по-французски», Горький отвечает Прекрасной Франции: «Нет, сударыня, я говорю только правду».

Однако это не помешало ему впоследствии дружить с виднейшими французскими писателями – Анатолем Франсом, Луи Арагоном и Роменом Ролланом. В 1935 году Роллан гостил у Горького в Москве. Есть забавная фотография, где они встречаются с комсомолками-парашютистками. Старички улыбаются

и молчат, комсомолки что-то дерзко им говорят. Но свой «Московский дневник» Роллан запретил к публикации на пятьдесят лет, и в России он был напечатан лишь в 1989 году, отнюдь не только потому, что грянула «гласность» и стало «все можно». В этом дневнике Роллан сравнивает Горького со старым медведем «с кольцом в ноздре, которого водят на цепи для услады публики». Кстати, в том же самом 1935 году «великого пролетарского писателя» не выпустили в Париж на антифашистский конгресс. Так что Прекрасная Франция ответила Горькому в своей женской манере. Иронично и беспощадно.

Павел Басинский

